

Танцовщица, поправляя волосы, с выражением смешанного раздражения и облегчения на лице, закатив глаза, вылезла из-за кустов сзади:

— Как же я испугалась! Хорошо, что вчера получила взбучку, а сегодня чуть не получила ещё раз, к счастью, я зоркая, спряталась от этого сумасшедшего зайца!

Но Матушка Чжао сказала:

— Я видела, как господин Тянь уходил с довольным видом. Боюсь, впредь он будет частым гостем.

Танцовщица, услышав это, так испугалась, что, оступившись на каблуках, чуть не упала. Матушка Чжао поспешила поддержать её, но та сердито посмотрела на неё, оттолкнула руку и громко, с отчаянием воскликнула:

— Мама! Он ещё вернётся! Да как же жить-то!

Если говорить о том, что изменилось в отношениях Чэн Фэнтая и Шан Сижуйя после того, как у них была близость, то они стали ещё более неразлучными, или, можно сказать, погрузились в страстную любовь. Чэн Фэнтай, насладившись Шан Сижуйем, сразу же пожалел, что два года сдерживался. Ругая себя за идиота, он смаковал воспоминания, снова и снова представляя, как Шан Сижуй выглядел в постели, прямо как юнец, впервые познавший радости любви. Шан Сижуй же, ещё после того, как Чэн Фэнтай признался ему в чувствах, делал различные намёки, но Чэн Фэнтай всегда оставался равнодушным. Когда они делили постель, стоило Шан Сижую сделать какое-нибудь неловкое движение, как Чэн Фэнтай хватал его за руки, не давая шевелиться, и отвлекал разговорами на другие темы. Шан Сижуй думал, что это потому, что Чэн Фэнтай не принимает мужчин. Но теперь, когда заветное желание исполнилось, между ними возник новый уровень отношений, добавивший невыразимую близость и непринуждённость, и оба почувствовали, что их чувства стали ещё глубже.

Чэн Фэнтай праздновал Новый год дома. В новогоднюю ночь за праздничным ужином старший молодой господин и второй молодой господин сидели по порядку. Третий молодой господин ещё не умел говорить, лежал на руках у кормилицы, и та чистила для него кровати. Четвёртая госпожа сидела рядом со Второй госпожой, Чача'эр и Мэйинь шептались, не зная о чём. Снаружи вспыхивали фейерверки, на мгновение озаряя комнату, отчего дети совсем потеряли интерес к еде, лишь вытягивали шеи, желая выйти поиграть с хлопушками. Вся семья была в разгаре веселья. Чэн Фэнтай увидел, что в конце большого круглого стола осталось несколько свободных мест. Домашних было не так много, чтобы заполнить их все. Он подумал, что в это время Шан Сижуй наверняка тоже ужинал с Сяо Лай. Хозяин и служанка, двое одиноких. На новогоднем столе всегда много мясного, Шан Сижуй наверняка объелся, а Сяо Лай не смогла его остановить. Потом он, как беременная женщина, упёршись руками в поясницу, с трудом будет ждать, пока пища переварится.

Если бы Шан Сижуй мог сидеть здесь и есть новогодний ужин вместе с ним, вот это был бы настоящий праздник.

Чэн Фэнтай, сжав бокал, вдруг улыбнулся, а затем с тоской тихо вздохнул. Вторая госпожа,

разговаривая с Четвёртой госпожой, украдкой взглянула на него и тоже сделала глоток вина.

У Шан Сижую же не было и тени той тоски, о которой думал Чэн Фэнтай. Юй Цин, гостя в Бэйпине, провела новогоднюю ночь с Шан Сижуюем, принесла две бутылки отменного вина хуадяо. В Тереме Водных Облаков несколько одиноких лицедеев, как и в прошлые годы, принесли вино и закуски, собрались в гостиной, поставили большой круглый стол, играли в винные игры, рассказывали анекдоты, было очень оживлённо. Шан Сижуй наелся до того, что разгорячился, снял обувь, расстегнул воротник, сел на стул, скрестив ноги, и громко соревновался в пении арий с актёром, играющим мужские роли. После полуночи пьяных уложили спать, трезвые разошлись сами. Юй Цин была ещё в настроении, убрала круглый стол, перешла к восьмиугольному, налила себе вина и, выпивая, рассказывала Шан Сижую, как она сбежала из дома, как порвала с семьёй, как её мать выплакала глаза, а брат гнал за ней через тысячи ли и дал пощёчину при всех.

Шан Сижуй, потерявший отца в детстве, а позднее названный отец и брат были больше связаны узами единомышленников и партнёров, почти не знал семейной любви и не стремился к ней, поэтому не мог вставить ни слова. Юй Цин говорила, а он слушал, в голубой фарфоровой чашке было налито вино хуадяо, он облизнул языком — и остро, и сладко, — ел с удовольствием и между делом спросил:

— Раз уж на душе было так горько, когда уходила из дома, зачем же ты это сделала? Останься дома известной любительницей — тоже ведь можно петь! Посмотри на Фань Ляня, Хуан Сань-гунцзы, Бэйлэ Аня. Молодые господа и барышни из знатных и богатых семей всегда пользуются особым расположением в театральных кругах.

Юй Цин горько улыбнулась:

— Не ради славы, не ради выгоды, а чтобы следовать за одним человеком.

Шан Сижуй сразу же нашёл тему для сплетен, перестал пить и ждал продолжения:

— О? И догнала?

Юй Цин посмотрела на него искоса:

— Этот человек, как и твой второй господин, был обременён семьёй.

Впервые кто-то напрямую затронул тему его и Чэн Фэнтая. Хотя они и не собирались скрывать свои отношения, внезапное упоминание всё же заставило его на мгновение опешить. Затем Шан Сижуй понял, что ему нравится, когда Чэн Фэнтая называют «его»:

— Он выбрал семью, а не тебя?

— У него не одна жена! Детей — полон дом, где же мне было найти место?

— Если бы он действительно твёрдо решил быть с тобой, что бы его жёны могли сделать? В

конце концов, их и так уже несколько.

Юй Цин лишь медленно покачала головой:

— Именно потому, что их несколько, всё сложнее.

Шан Сижуй изо всех сил старался помочь ей решить проблему, подумал и сказал:

— Тогда не выходи за него замуж, просто будьте вместе.

— Как быть вместе, не вступая в брак?

Шан Сижуй с гордостью ответил:

— Посмотри на меня и второго господина. Я тоже не женюсь на нём, разве мы не вместе?

Юй Цин подумала, что он настоящий ребёнок, смотрит на вещи так наивно и просто, они с ней даже не на одном уровне. Если бы можно было всю жизнь оставаться таким наивным и простым, не быть разбуженным реальностью, это было бы счастьем.

Юй Цин потрепала Шан Сижую за ухо, улыбнулась и сказала:

— Господин Шан говорит правильно. Просто сегодня, в Новый год, почему-то особенно думается о нём...

Шан Сижуй, услышав это, тоже приуныл, вздохнул и сказал:

— За едой было ещё ничего, а как положил палочки, почувствовал, что сегодня и я особенно скучаю по второму господину.

Двое несчастных, выпивая, вздыхали и постепенно напившись. Глаза Шан Сижую затуманились, прикрывшись вином, он осторожно спросил:

— Тот человек тоже в Бэйпине? Я его знаю?

Юй Цин, смотря на него мутными глазами, не успела ответить, как, глупо улыбнувшись, упала на стол. Шан Сижуй, увидев, что она заснула, сразу же не выдержал, прижал щеку к холодному лакированному столу и потерял сознание. Юй Цин, увидев, что он упал, тихо засмеялась, встала, надела пальто и пошла искать Сяо Лай:

— Господин Шан напился. Если он так проспит, завтра шея точно заболит. Сходи разбуди кого-нибудь из пьяных, пусть отнесёт его на кровать.

Сяо Лай, улыбнувшись, согласилась и, увидев, что у Юй Цин покраснели щеки, словно она тоже немного пьяна, сказала:

— Уже так поздно, госпожа Юй, может, переночуете у меня?

Юй Цин улыбнулась:

— Я заказала рикшу, она ждёт снаружи, возвращаться удобно.

Сяо Лай, услышав это, не стала раздумывать. Юй Цин, подгоняя её, чтобы та пошла ухаживать за Шан Сижуюем, сама вышла за дверь и поплёлась в темноте, лицо её было окутано пеленой. Она шла целый час, остановилась у ворот одного дома, и слёзы потекли по её лицу.

В первый день нового года Чэн Фэнтай и Вторая госпожа с двумя старшими детьми пошли поздравлять с Новым годом командующего Цао и его семью, раздали в семье Цао деньги на счастье, пообедали, а затем заехали к Чан Чжисиню и Цзян Мэнпин. Вторая госпожа последние два года после родов была слаба, это был её первый визит в дом Чанов. В машине она сказала Чэн Фэнтаю, что, раз у тех в Бэйпине нет родителей и детей, Новый год, наверное, проходит очень тихо. Но, войдя в дом, они увидели, что супруги спокойно ели чайные угощения и читали книги. По сравнению с первым визитом Чэн Фэнтая, здесь появилась статуя нефритовой Гуаньинь эпохи Хань, перед буддой курился сандал, в комнате стало ещё изящнее. Цзян Мэнпин, увидев их всю семью, сердечно сунула детям в руки много конфет и, поскольку не подготовила денег на счастье, вынула из книги две позолоченные закладки, чтобы дети взяли их, одной рукой держа за руку двоих детей, спрашивая об их делах, глядя по голове и щекам. Старший молодой господин был уже почти взрослым, второй молодой господин — замкнутым, они, не успев опомниться, оба сбежали, оставив Цзян Мэнпин в одиночестве предаваться мечтам.

Вторая госпожа, взяв Цзян Мэнпин за руку, тихо сказала:

— Раз уж ты так любишь детей, почему бы не обратиться к врачу, не взять рецепт, не попробовать попить лекарства?

Цзян Мэнпин, поглаживая свою щёку, вздохнула:

— За последние два года я обошла всех врачей в Бэйпине, даже бывшего придворного лекаря ходила смотреть. Эх...

<http://bllate.org/book/15435/1368637>